

РЕАЛИЗУЕМОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Салихова Н. Р. (Казань)

Аннотация. Раскрывается представление о функциональном механизме барьерности-реализуемости личностных ценностей и его роли в становлении жизненного мира человека. Обобщение эмпирических данных о соотношении с разноуровневыми механизмами структурирования образа мира (когнитивные стили, защитные механизмы личности) и психологическим возрастом позволяет связать его со структурированием жизненного пространства в соответствии с фазами экзистенциального цикла взаимодействия человека и мира.

Ключевые слова: жизненное пространство, реализуемость личностных ценностей, образ мира, психологический возраст

В связи с происходящим в настоящее время парадигмальным сдвигом в психологии от изучения психики к познанию психологии человека и его мира как особой совмещенной реальности, не сводимой ни к внешнему, ни к внутреннему, предмет исследований все чаще определяется обозначаящими эту реальность понятиями жизненного мира, многомерного мира, жизненного пространства, ментального пространства, субъективной реальности и др. В теории психологических систем [6] становление жизненного мира человека в онтогенезе связывается с последовательным появлением его новых измерений, наиболее поздним из которых является ценностное, задаваемое возможностями самореализации человека как формы самоорганизации открытой психологической системы [3]. Возникший в рамках смысловой теории мышления и реализованный в исследованиях актуалгенеза ценностно-смысловой структуры ситуации данный подход в последнее время охватывает своим объяснительным потенциалом и более масштабные, пролонгированные во времени контексты жизнеосуществления человека. В целом ряде работ раскрываются этапы появления и преобразования задающих жизненный мир человека измерений, конкретизирующие картину его становления [10; 19 и др.]. Тем не менее, задача выявления феноменов, механизмов и закономерностей динамики жизненного мира, задаваемых его трансформациями в рамках ценностно-смысловых измерений на протяжении периодов взрослости, во многом находится на начальных этапах ее решения.

В какой-то мере к раскрывающим *содержательную динамику* ценностного измерения жизненного мира взрослого человека могут быть отнесены довольно широко представленные в современной психологии исследования изменений в иерархии ценностей в связи с возрастными, профессиональными и многими другими факторами, связанными с пересмотром человеком основных приоритетов своей жизни, что некоторыми авторами уже и осмысливается не в парадигме смены ценностных ориентаций личности, а как преобразование ценностного мира человека. Способствуют ее описанию и создаваемые подходы к классификации ценностей, в рамках которых описываются их новые разновидности, что также позволяет описать многообразие и вариативность порождаемых в культуре и осваиваемых человеком ценностных миров. В гораздо меньшей степени исследованы те аспекты ценностного измерения жизненно-

го мира, которые связаны с линиями или зонами его напряжения, возникающими при соотношении экзистенциальных ожиданий личности [21] и актуальной жизненной ситуации, значимости ценностей и возможностей их реализации в жизни. Однако именно они во многом задают содержание коллизий развития человека в периоды взрослости [17]. И если изменения в содержательном наполнении ценностного измерения можно отнести к процессам *макродинамики* жизненного мира человека, то коллизии, связанные с оценкой реализуемости той или иной ценности в жизни, можно обозначить как *микродинамические*, в контексте которых нами и предложено представление о механизме барьерности-реализуемости личностных ценностей. В данной статье обобщаются полученные эмпирически основные результаты его исследования с тем, чтобы через сопоставление с некоторыми положениями теории психологических систем (ТПС) обозначить его роль в становлении жизненного мира взрослого человека.

Как известно, при переходе от детства к взрослости следствием появления ценностного измерения жизненного мира человека является формирование системы жизненных планов или дальних намерений [2; 22], конкретизирующих ведущие ценности в форме жизненных целей или задач разной степени детализированности и четкости (от приблизительных, обобщенных до четких и конкретных), охватывающих основные сферы жизни и задающих направления самореализации личности. Они часто сохраняются не в виде дрящегося состояния сознания, а с переходом из плана актуального субъективного переживания в план метанапряжения [2], порождая на конкретных этапах жизни спектр *экзистенциальных ожиданий* [17; 21]. Их соотношение с актуальной жизненной ситуацией преломляется через выявленные и описанные нами противоположные **тенденции**, задающие содержание конструкта барьерности-реализуемости личностных ценностей [11].

Первая из них – тенденция к **согласованию** мер важности ценности и ее доступности, когда человек реализует то, что может осуществить в жизни, ценит то, что имеет, и понижает ценность того, что недоступно. Это может происходить как за счет внешних активных действий по реализации ценностей, так и за счет внутренних, например, компенсаторных действий по типу защитных механизмов, ведущих к понижению меры ценности при невозможности ее реализации. Метафорически это выражено в известной пословице: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». **Вторая** – тенденция к **рассогласованию** мер важности ценности и ее доступности, когда они изменяются разнонаправленно, повышение одного из параметров ведет к понижению другого. В пределе, доступное обесценивается, а недоступное кажется более ценным и важным. В данном случае «журавль в небе» будет намного ценнее «синицы в руках», именно потому, что «не пойман», а фактором, увеличивающим значимость ценности, является невозможность ее реализации, что отражено в пословицах: «Хорошо там, где нас нет», «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Возможность возникновения данных тенденций определяется особой природой личностных ценностей* как аффективно-интеллектуальных образований, в которых как одна, так и другая составляющие действуют в качестве своего рода гиперобобщения. С одной стороны, они существуют в специфической форме обобщенных идей, кристаллизирующих культурно-исторический опыт человечества. С другой стороны,

* Здесь мы не останавливаемся на анализе соотношения понятий *личностная ценность* [8] и *ценность как параметр порядка* в ТПС [6] – это задача отдельного теоретического исследования, равно как и анализ различий в понимании понятий ценности и смысла, существующих в данных теоретических моделях, и опираемся на то общее, что их объединяет в рамках культурно-исторической парадигмы в психологии.

будучи присвоенной человеком в ходе его онтогенетического развития, идея структурирует и опосредует основные источники его побуждений. Это соединяет ее с явлениями аффективно-потребностной природы, обобщением и средством означивания которых она становится. В силу высокого уровня обобщенности ценностей дать некую однозначную оценку их реализованности в жизни, пожалуй, принципиально невозможно, поскольку это сопряжено с необходимостью соотнесения содержания идеи с чувственно-конкретными формами ее воплощения. Поэтому ценности не всегда прямо могут быть «обнаружены» в конкретной жизненной ситуации, что обуславливает неопределенность при оценке их присутствия в жизни. Однако именно на этой особенности ценностей основывается возможность психотерапевтического воздействия на человека, расширяющее его опыт «прикосновения к ценности» [9], который обычно достигается в переживании ценности, а также обуславливает указанное В.И.Кабриным их свойство вездесущности и реверсивности как бесконечного отзеркаливания в разных явлениях и друг в друге [4].

Описанные тенденции в совокупности составляют континуум барьерности-реализуемости личностных ценностей, который операционализирован в *индексах реализуемости и проблемности* (соответственно, положительная или отрицательная корреляция параметров важности и доступности ценностей, получаемых в предложенной Е.Б.Фанталовой [18] методической процедуре их ранжирования), а также *индексе барьерности* (положительная корреляционная взаимосвязь важности ценности и разницы важность–доступность), отражающем тенденцию рассогласования в мягком, количественно менее выраженном виде.

Реализуемость ценностей как устойчивая характеристика личности. Сопоставление индексов реализуемости и барьерности, полученных на разных по содержанию списках ценностей показало, что их качественно своеобразное сочетание относительно устойчиво [11]. Применялись перечни как общечеловеческих, так и специфичных для человека как представителя определенной социальной группы терминальных и инструментальных ценностей, а также индивидуальные, составленные самим человеком. Наибольшая консистентность результатов обнаружена в отношении терминальных (общечеловеческих, групповых и индивидуальных) ценностей. Изменение содержания списка терминальных ценностей практически не изменяло соотношения индивидуальных индексов континуума реализуемости-барьерности. Наибольшие различия выявлены между инструментальными и терминальными ценностями: в отношении первых в большей мере выражена тенденция к реализуемости, а в отношении вторых – к барьерности. Тем не менее, показатели реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей тесно коррелируют друг с другом. Это обосновало правомерность рассмотрения параметров реализуемости и барьерности как устойчивой характеристики личности. Стандартная процедура их *психометрического обоснования*, проведенная на выборке из 780 человек, показала, что разброс значений индексов барьерности и реализуемости близок к нормальному распределению, показатели асимметрии и эксцесса находятся в пределах допустимых значений. Это означает, в частности, что в их отношении правомерно использование методов корреляционного анализа. В измерении индексов барьерности и реализуемости с двухнедельным интервалом была показана их ретестовая устойчивость.

Проверка *содержательной валидности* индексов континуума барьерности-реализуемости осуществлялась через сравнение их выраженности у людей, попавших в ситуацию жизненного кризиса, вызванного опасным соматическим заболеванием, и

у здоровых людей, находящихся в обычной жизненной ситуации [16]. Результаты показали наличие у заболевших значительного сдвига индексов в зону проблемности, в отличие от здоровых, результаты которых находились преимущественно в зоне реализуемости. Наибольшая выраженность индекса проблемности была выявлена в группе больных, перенесших инфаркт миокарда, тогда как группы ВИЧ-инфицированных и больных после операции удаления аппендикса продемонстрировали несколько меньшую степень его сдвига в том же направлении. Результаты сравнения разных групп заболевших между собой можно объяснить исходя из представления о субъективной тяжести заболевания как следствия действия двух независимых барьеров: один связан с тяжестью актуального физического состояния, другой определяется ограничениями в отношении жизненных перспектив и реализации жизненного замысла. Исследованные три группы заболевших характеризовались их разным сочетанием: у перенесших инфаркт миокарда присутствовали оба барьера, тогда как в других группах присутствовал лишь один из них.

Эмпирическое **соотнесение** индексов континуума **барьерности-реализуемости** с **устойчивыми личностными свойствами** показало следующее. Во-первых, практически не обнаружилось взаимосвязей с *чертами личности*, определяемыми тестом Р.Кеттела, за исключением шкалы «Радикализм-Консерватизм», где *консерватизму* соответствовала *реализуемость* ценностей, тогда как увеличение *барьерности* было связано с повышением *радикализма*. Во-вторых, не обнаружилось каких-либо их взаимосвязей с показателями *психометрического интеллекта*. В-третьих, при сопоставлении с *ситуативной и личностной тревожностью* на уровне тенденции проявилось, что понижение реализуемости связано с возрастанием уровня личностной тревожности. В-четвертых, выявлена ортогональность параметров барьерности и реализуемости показателям *мотивации достижения* или *избегания неудачи*, что показало неправомочность их сведения к данным мотивационным переменным. В целом, параметры реализуемости и барьерности ценностей оказалось мало связаны с уровнем инструментальных проявлений личности, хотя немногочисленные взаимосвязи позволили уточнить их содержательное наполнение.

Итак, с одной стороны, в психометрическом понимании параметры реализуемости-барьерности ценностей оказались устойчивы, однако, с другой стороны, они способны существенно изменяться, отражая возникающие в жизненном пространстве барьеры. Это может означать, что операционализированный в них конструкт отражает некоторое динамическое качество открытой психологической системы, порождаемое в ходе ее становления и выполняющее определенные функции в этом процессе. Раскрыть их позволяют следующие выявленные факты, свидетельствующие о функциональной роли тенденций согласования и рассогласования в специфике организации жизненного пространства*, выражающейся в характеристиках его «объемности», фигуристо-фоновом рельефе, центрации вовне или вовнутрь.

Первая группа таких данных получена при соотнесении индексов континуума барьерности-реализуемости с разноуровневыми **механизмами структурирования образа мира**. При исследовании взаимосвязи с **когнитивными стилями** как устойчивыми индивидуальными способами организации личностно нейтральных перцептивных и семантических содержаний [20] обнаружено, что высокая выраженность

* В понимании термина «жизненное пространство» мы исходим из его значения, предложенного К.Левиним, оставляя за рамками данной статьи весьма актуальную для современной психологии тему его соотношения с другими, аналогичными понятиями, а также варианты его трактовки разными авторами, в том числе и в ТПС.

реализуемости связана с *полезависимостью* и *узким диапазоном эквивалентности*, а *барьерность* – с *независимостью от поля* и *широким диапазоном эквивалентности* [14].

В соотнесении с устойчивыми механизмами восприятия и осознания личностно значимой информации – **защитными механизмами**, позволяющими трансформировать отдельные сегменты образа мира с целью устранения или преобразования информации, субъективно оцениваемой как угрожающей, – получено, что сдвиг в континууме барьерности-реализуемости в направлении полюса *барьерности* прямо связан с высокой выраженностью защитных механизмов *компенсации, регресса и замещения* [13]. Содержательное пересечение этой триады в отличие от других защитных механизмов обнаруживается в том, что они трансформируют или само действие, направленное на реализацию побуждения (смена содержания действия и способа его осуществления характерна для регресса и компенсации), или изменяют объект, на который оно направлено (смена объекта характерна для регресса и замещения). При этом все они подразумевают активные действия по реализации побуждения, тогда как другие защитные механизмы действуют в основном через трансформацию воспринимаемого образа ситуации. Это значит, что выраженность барьерности связана с большей приемлемостью действий или объектов, не прямо соответствующих побуждению, тогда как реализуемость отражает стремление действовать, не подменяя ни способы действий, ни объекты другими, менее соответствующими побуждению. В свете последнего содержательно проясняется и прямая связь индекса реализуемости с узким диапазоном эквивалентности (для оценки объектов как сходных необходимо весьма точное их соответствие друг другу), а выраженной барьерности – с широким диапазоном эквивалентности как проявлением меньшей требовательности к точности соответствия объектов.

Более сложным для интерпретации является несколько парадоксальная для области исследований когнитивных стилей связь каждого из индексов одновременно как с показателями высокой, так и низкой артикулированности опыта: например, связь индекса реализуемости одновременно и с узким диапазоном эквивалентности, и полезависимостью. Такая внутренне неоднородная конфигурация связей должна быть объяснена в какой-то снимающей данное противоречие модели, объясняющей специфический способ построения образа мира и организации жизненного пространства.

Другая группа данных соответствует описанию жизненного мира через оппозицию векторов его динамической направленности вовнутрь или вовне. Во-первых, обнаружено, что при соответствии психологического возраста человека его хронологическому возрасту, т.е. темпоральной локализации *«внутри»*, обнаружена большая *реализуемость* ценностей, а при их расхождении, когда человек ощущает себя младше или старше хронологического возраста, т.е. локализации *«вовне»*, – выше показатели *барьерности* [1; 15]. Причем зафиксирована прямая линейная зависимость: чем дальше человек в возрастном самосознании от своего хронологического возраста, тем сильнее выражена барьерность, а чем он к нему ближе, тем больше выражена реализуемость личностных ценностей. Во-вторых, выявлено соответствие преобладания барьерности или реализуемости ценностей фазам развития личности в рамках *стабильной социальной общности*: при *вхождении* в новую социальную общность и *подготовке к выходу* из освоенной социальной общности *преобладает барьерность*, а в рамках *освоенной* социальной общности – *реализуемость* ценностей [11]. Это

соотношение также отражает центрацию жизненного мира внутри обретенной действительности или направленность на выход за ее пределы.

В контексте представлений об образе мира как системе генерируемых гипотез тенденции согласования и рассогласования можно рассматривать как механизмы, сдвигающие процесс выдвижения гипотез в определенном направлении. Тенденция согласования способствует обнаружению признаков присутствия ценности в той или иной жизненной ситуации и фиксирует человека на соответствующих ей моментах. Тенденция рассогласования, напротив, фиксирует внимание на несоответствии характеристик наличной ситуации той или иной личностной ценности, иницируя их поиск за ее пределами. Для понимания же того, с чем связано направление сдвига в генерировании гипотез, необходимо расширить теоретическую платформу их осмысления и привлечь соответствующие описываемым феноменам теоретические модели. Базовой основой может выступить теория психологических систем [6], в рамках которой обе тенденции можно рассматривать как формы открытости психологической системы, отличающиеся направлением ее расширения. Последние могут быть конкретизированы через описанные Д.А.Леонтьевым [7] фазы экзистенциального цикла взаимодействия человека с миром, отражающие его «горизонтальную» смысловую динамику.

В случае преобладания *реализуемости* направление расширения жизненного пространства, претворение собственных возможностей осуществляется вглубь той или иной предметности, ценность и смысл которой уже установлены, и развитие всей системы идет в первую очередь через предметно-специфические интеллектуальные, операционные возможности освоения мира. Реализуя обретенный ценностно-смысловой потенциал, человек растворяется в соответствующей тенденциям его становления предметности, что и обеспечивается фокусировкой на ближние планы образа мира [5], сосредоточенностью на локальном и точном отражении того, что находится в пределах актуально реализуемых жизненных отношений в пределах совокупности осуществляемых деятельностей и их операционально-смысловых и действительных полей. Основной «фигурой» является ближайшее пространство, что отражает погруженность, максимальную включенность в актуальное жизненное пространство и отсекает все постороннее. Этим и можно объяснить обнаруженную связь реализуемости одновременно и с узким диапазоном эквивалентности, и полезависимостью как проявлением чуткости к возникающим в наличном смысловом поле возможностям действия. Данное состояние можно назвать смысловой *опредмеченностью*, и оно соответствует фазе *экзистенциальной закрытости*.

В случае преобладания тенденции *барьерности* направление расширения жизненного пространства можно определить как поиск или точнее порождение новой ценностно-смысловой действительности. Это требует «примеривания» к себе локализованных в более отдаленных областях жизненного пространства возможностей, прислушивания к своим переживаниям, чувствованиям для опознания иного как «своего», соответствующего тенденциям становления своего жизненного мира. Поэтому структурирование фигуриро-фоновых соотношений жизненного пространства диаметрально противоположно, преобладает ориентация на дальние планы образа мира, а ближние становятся «фоном». Поиск новых возможностей именно как своих требует их соотнесения с внутренними критериями, обращая «внутреннее зрение» на себя, поэтому в качестве «фигуры» выступают собственные чувства, стремления, что и проявляется как полнезависимость. Это состояние смысловой *распредмеченности*, *экзистенциальной открытости* новым смыслам.

В отличие от саморегулирующихся систем, в которых контур саморегуляции включает в качестве акцептора действия некую «модель потребного будущего», к которой система стремится, и которая в силу этого выполняет функцию выбора направления корректирующих действий, относительно самоорганизующихся систем встает проблема механизма выбора направления жизненного самоосуществления, определения или точнее создания тех возможностей, которые на следующем шаге будут определять новую действительность жизненного мира. Здесь не может быть точно и конкретно заданной «модели потребного будущего», но не может и не быть никаких ориентирующих систему в ходе ее становления механизмов. Соответственно, должна быть некоторая открытая модель возможного будущего, которая соответствует потенциальному Я, которое еще не появилось, но появление которого соответствует тенденциям развития человека, их предчувствие и становится ориентиром в выборе тех или иных ценностно-смысловых направлений собственного бытия в будущем. В такой модели становящемуся Я, ищущему свое, которое соответствует себе уже не сегодняшнему, а завтрашнему, для поиска в поливариативном будущем нужен широкий взгляд, в ракурсе которого очень многое может казаться соответствующим себе (широкий диапазон эквивалентности). Но сопровождается он ориентацией на себя (полнезависимость), поскольку критерии поиска – в чувственно-эмоциональном переживании себя «с забросом в будущее». Фактически поисковый характер данного состояния подтверждается и выявленной связью индекса барьерности с полюсом радикализма как отражающим стремление к переменам, и в тенденции к повышению тревожности вследствие увеличения неопределенности жизненного мира в переходных состояниях. В свою очередь преобладание реализуемости, означающее большую его стабильность (связь с полюсом консерватизма), проявляется в меньшей тревожности.

В рамках предложенной интерпретации получает, на наш взгляд, свое объяснение кажущаяся противоречивость полученных данных, а именно, устойчивость и изменчивость параметров барьерности-реализуемости, их связь с высоко и низко артикулированными способами структурирования опыта. Это противоречие снимается, поскольку каждому из полюсов соответствует определенный способ структурирования жизненного пространства, функционально связанный со спецификой фазы экзистенциального цикла взаимодействия человека с миром. Сам же конструкт «схватывает» глубинные пласты жизненного пространства, выражающиеся в специфике его пространственно-временной организации.

Взгляд на барьерность-реализуемость личностных ценностей как один из механизмов, позволяющих человеку строить жизнь именно как свое произведение и ориентирующих его на этом пути, возможно, является одним из шагов в направлении построения целостной модели процесса, обеспечивающего как порождение самих возможностей жизненного выбора, так и его осуществления в рамках гетеростабильного подхода к становлению жизненного мира человека. Созидание жизни, порождение возможностей своего становления человеком и выбор из них требуют механизмов, обеспечивающих соответствие двум противоположным требованиям, – необходимости учитывать изменяющегося человека в изменяющемся мире и сохранять при этом идентичность и преемственность общего направления самоосуществления. В частности, это может обеспечиваться особым типом постановки жизненных целей, которые одновременно задают и некоторые ориентиры, и в тоже время обладают особым качеством, предусматривающим их гибкость, возможность широкого варьирования и раз-

нообразной конкретизации, поэтому часто они в высокой степени ценностно нагружены, но в конкретном своем воплощении – расплывчаты и обобщенны. В свою очередь, это может создавать проблему верификации их достижения, в результате чего становятся возможны ее разные варианты: от довольства малым до постоянной неудовлетворенности достигнутым, когда игнорируются реальные достижения.

Понимание механизма барьерности-реализуемости личностных ценностей как функционального может быть дополнено типологическим подходом, в соответствии с которым разные режимы функционирования механизма при их *фиксации* могут стать индивидуально-типической характеристикой жизненного мира человека. Как совершенно справедливо указывает Э.В.Галажинский [3], только имея в виду общесистемный характер механизма, можно говорить о его индивидуальных проявлениях на уровне типов личностей. Существование последних дает возможность изучать и описывать сам механизм через выявление его констелляций с другими устойчивыми психологическими образованиями, однако, мы считаем это лишь вспомогательным средством исследования и предпочитаем акцентировать в его рассмотрении универсальную для типологически разных людей функцию в становлении жизненного мира, подчеркивая динамический характер описываемых конструктором полярностей.

В целом, можно констатировать соответствие феноменологии, обнаруженной в исследованиях механизма барьерности-реализуемости личностных ценностей, задаваемой теорией психологических систем предметности психологии. Исследование данного механизма дополняет представления о закономерностях динамики ценностно-смысловых измерений жизненного мира, связанных со структурированием жизненного пространства человека. При этом возникает ряд задач, связанных как с необходимостью теоретического сопоставления исходных базовых понятий, близких друг другу, но, тем не менее, имеющих различия в их трактовках, так и с необходимостью развития представлений о разных аспектах преобразования и трансформации самого ценностного измерения в ходе становления жизненного мира человека в периоды взрослости.

Литература

1. Алексеева Е.Ю., Салихова Н.Р. О взаимосвязи степени барьерности смыслообразования в контексте личностных ценностей и психологического времени личности // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2006. – С. 5-9.
2. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
3. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: Дис. ... докт. психол. наук. – Барнаул, 2002.
4. Кабрин В.И. Транскоммуникативные основания анализа ценностного мира человека // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В.Знаков, Г.В.Залевский. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – С. 94-122.
5. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995.
6. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) – Томск: Томский государственный университет, 2005.
7. Леонтьев Д.А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла) / Материалы международной конференции. – М.: Смысл, 2005. – С. 36-49.

8. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999.
9. *Лэнгле Л.* Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // Вопросы психологии. 2004. № 4. – С. 3-21.
10. *Некрасова Е.В.* Пространственно-временная организация жизненного мира человека: Дис. ... д-ра психол. наук. – Барнаул, 2005.
11. *Салихова Н.Р.* Типы смыслообразования в контексте личностных ценностей. – Казань: Издательский центр КГУ, 2005.
12. *Салихова Н.Р.* Жизненное пространство личности в зависимости от барьерности или реализуемости ценностей // Известия Тульского государственного университета. Серия «Психология». Выпуск 6 / Под ред. Е.Е.Сапоговой. – Тула: Издательство ТулГУ, 2006. – С.149-165.
13. *Салихова Н.Р.* Соотношение барьерности-реализуемости личностных ценностей и защитных механизмов личности // Известия Тульского государственного университета. Серия «Психология». Выпуск 7 / Под ред. Е.Е.Сапоговой. – Тула: Издательство ТулГУ, 2006. – С.163-179.
14. *Салихова Н.Р.* Соотношение барьерности-реализуемости личностных ценностей и когнитивных стилей // Поверх барьеров: человек, текст, общение: Тезисы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.А.Леонтьева / Под ред. Д.А.Леонтьева. – М: Смысл, 2006. – С. 101-103.
15. *Салихова Н.Р.* Соотношение психологического возраста и реализуемости личностных ценностей // Время пути: исследования и размышления / Под ред. Р.А.Ахмерова, Е.И.Головахи, Е.Г.Злобиной, А.А.Кроника, Д.А.Леонтьева. – Киев: Изд-во института социологии НАН Украины, 2008. – С. 175-187.
16. *Салихова Н.Р.* Реализуемость личностных ценностей в ситуации жизненного кризиса // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. – С. 44-51.
17. *Сапогова Е.Е.* Типы экзистенциальных ожиданий в Ego-trip нарративах // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы Второй Всероссийской научной конференции. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2006. – С. 42-46.
18. *Фанталова Е.Б.* Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал. 1992. Том 13. № 1. – С. 107-117.
19. *Четошникова Е.В.* Эмоционально-ценностные основания рефлексивной оценки жизненного самоосуществления. Автореферат дис...канд. психол. наук. – Томск, 2008.
20. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. – М.: ПЕР СЭ, 2002.
21. *Buhler Ch., Allen M.* Introduction into Humanistic Psychology. – Belmont: Brooks/Cole. 1972.
22. *Nuttin J.* Motivation, planning and action: a relation theory of behavior dynamics. – Leuven: Leuven University Press; Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1984.